

ИГОРЬ СУДОРГИН

ДОЖДЬ

16+

Игорь Судоргин

Дождь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Судоргин И. В.

Дождь / И. В. Судоргин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История девушки по имени Адель, жившей в маленьком городке средневековой Европы.

Время близилось к полудню. Конечно, Адель не могла знать сколько сейчас времени – у неё не было часов, да и вообще, в те времена часов не было вовсе. Просто к полудню солнце как раз занимало место напротив помещения, в котором она находилась долгими днями и ночами, и начинало светить на стену через небольшое зарешечённое окошко под потолком. Изю дня в день яркий солнечный зайчик медленно полз по стене, постепенно уменьшаясь и уменьшаясь, пока совсем не исчезал где-то в углу маленькой комнаты, и от этого становилось ещё тоскливее. Но за долгие дни и ночи, проведённые здесь, девушка научилась понимать всё, что происходило на каменных плитах площади, так же хорошо, как будто смотрела в большое окошко, сидя в удобном мягком кресле, которое находилось в большой светлой комнате. Но на самом деле вместо большой комнаты была маленькая тюремная камера, вместо широкого окна с красивыми шторами – крошечное окошко с решеткой под потолком, которое было так высоко, что в него невозможно было заглянуть, вместо широкой мягкой постели – узкая каменная лежанка с тонкой рваной подстилкой, и небольшой стол с табуретом. Адель ничего не видела, что происходило снаружи, зато всё слышала до мельчайших подробностей. Этот большой двор был каменным мешком, со всех сторон окруженным такими же каменными зданиями, и поэтому любой звук был прекрасно слышан во всех уголках этой площади. Адель присела на каменный лежак, изо всех сил вцепившись руками в камень, и напряжённо вслушивалась в каждый звук, доносящийся снаружи. Вот прекратилось шуршание, говорящее о том, что рабочие закончили подметать каменные плиты двора, и недолгая тишина начала постепенно заполняться людскими голосами, сначала немногочисленными, но вот их становится всё больше и больше, что говорит о том, что площадь стала медленно заполняться горожанами, которые постепенно прибывали на площадь со всех концов маленького города на юге Франции с жёнами, с детьми, чтобы посмотреть на увлекательное зрелище, которое ждёт народ сегодня здесь, на площади, и хотя это зрелище они видели уже много раз, но их снова и снова тянула сюда какая-то неведомая сила, и они приходили на эту площадь, в любую погоду, снова и снова... Голоса становились всё громче и громче, пока не превратились в равномерный гул, который продолжался около получаса, и сквозь него больше не было слышно никаких других звуков. Было очень похоже на многолюдный базар в воскресный день, когда народ ходит не спеша по торговым рядам, весело переговариваясь друг с другом, радостно хохоча и издавая время от времени истошные крики по разному поводу, который всегда найдётся там, где много народу. Но это был не базар. Внезапно, как по мановению волшебной палочки, шум мгновенно стих, и наступила полнейшая тишина, не прерываемая ни одним, даже самым маленьким шумом, и в этой гробовой тишине раздались четкие ясные неторопливые шаги. Так идёт только человек, который никуда не спешит, или же наделён большим авторитетом и властью. Внезапно звук шагов переменялся, из чего можно было заключить, что человек, пройдя по каменным плитам площади, стал подниматься на какое-то деревянное возвышение. Ну вот шаги стихли, и через несколько мгновений в этой гробовой тишине раздался монотонный, но чёткий и ясный голос человека, который начал читать проповедь. Речь его была негромкой и неторопливой, но в этой зловещей гробовой тишине Адель отчётливо разбирала каждое слово, сказанное проповедником. Она уже много раз слышала эти проповеди, и хотя они немного отличались друг от друга, смысл всех этих речей сводился к одному: если один член церкви заболел, то заболела вся церковь, и единственная возможность для заболевшей церкви выздороветь – это отрубить заражённый член. По голосу проповедника было件нятно, что сегодня он был воодушевлен, как никогда. Его речь была наполнена горячими эмоциями, он говорил с жаром, искренне веря в каждое произнесенное им слово. По словам епископа Адель поняла, что сегодня судили молодую девушку, – такую же, как и она, которую обвиняли в многочисленных преступлениях против церкви и упрекали во множестве грехов. Она и еретичка, и ведьма, и блудница, и раскольница, и много чего ещё. Проповедник говорил долго, то приглушая свой

голос, а то вдруг начиная почти кричать, а затем снова опускаясь практически до шепота, но тишина была такая, что слышно было каждое слово, сказано ли оно было громко, или очень-очень тихо. Ну вот наконец проповедь закончена. Зловещую тишину сменил лёгкий гул, который на несколько минут пролетел над людской толпой, но он также внезапно снова сменился тишиной. Раздался уже голос другого человека, который читал медленно, отчётливо произнося каждое слово, монотонно, безо всяких эмоций и ненужной горячности. Он читал приговор. На этот раз много времени не понадобилось, как на чтение проповеди. Всё чтение приговора заняло не более двух минут. Подсудимую ждала неминуемая смерть. По звукам, долетающим в окошко её камеры, Адель поняла, что все формальности соблюдены и скоро начнётся самое ужасное. Девушке хотелось то выглянуть во двор и во что бы то ни стало посмотреть, что там происходит, то наоборот, зажмуриться и заткнуть чем-нибудь уши крепко-накрепко, чтобы ничего не слышать и не видеть. Но вот вдруг толпа горожан внезапно взревела, как по команде какого-то невидимого дирижёра, и то тут, то там стали слышны выкрики:

– Ведьма! Смерть ведьме! Гори в аду, мерзкая тварь! – и тому подобные возгласы. По этим крикам Адель поняла, что казнь начинается. Судя по всему, ведьму повели на эшафот....

Когда Адель была ещё подростком, папа и мама часто водили её смотреть на такие зрелища, поэтому всё, что происходило сейчас, она хоть и не видела, но представляла себе во всех подробностях. Она помнила этот эшафот, потому что в её детстве и в юности казни еретиков были одним из самых ярких её воспоминаний; только не думала она, что скоро придётся взойти на него и ей самой... Эшафот был очень высоким. Он сделан из камня, а вокруг штабелями уложены дрова. Посреди эшафота – столб, на котором висит табличка с надписью. Обычно там написано имя того, кого казнят, с перечислением всех его грехов перед церковью. Рёв толпы становился всё громче и громче. Адель почувствовала запах горящих поленьев, из чего поняла, что казнь началась. Дыму было не так много, но она смогла увидеть его в маленькое окошко камеры. Вдруг к запаху горящих поленьев добавился ещё один – тошнотворный сладкий запах горящего человеческого тела, так хорошо знакомый с детства людям той эпохи... Толпа неистовствовала. Адель даже на одно мгновение показалось, что она услышала крик горящей на костре ведьмы, который был так ужасен, что на секунду заглушил рев толпы.

Но вот крики стали постепенно стихать. Казнь подходила к концу, и народ стал расходиться, удовлетворённый страшным, но таким притягательным зрелищем. Как же можно было объяснить то, что люди ходили смотреть на это по много раз, не в силах от этого отказаться? За то время, пока Адель томилась в заключении, она много раз слышала, как сжигают людей на костре, но каждый раз умирала от ужаса, вновь и вновь прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся с площади во время казни.

* * * * *

Совсем недавно Адель, симпатичная восемнадцатилетняя девушка, была весёлой и жизнерадостной. Жила она в небольшом городке средневековой Европы, как и большинство ее подруг, рано начала работать, а в редкие свободные деньки развлекалась со своими сверстницами, и, так же, как они, мечтала о прекрасном принце, который в один солнечный день появится на белом коне, возьмет ее на руки, и увезет в свой чудесный замок. Однако всё случилось совсем не так, как она себе представляла, и в одно мгновение её мечты разбились на мелкие осколки. У Адель были красивые рыжие волосы, которыми она гордилась с детства, и к восемнадцати годам они стали очень длинными, шелковистыми и мягкими. Однако иметь такие волосы женщине в те времена было равносильно смертному приговору. Считалось, что женщина с рыжими волосами почти наверняка является ведьмой. Следует заметить, что в средние века поводов, чтобы заподозрить женщину в связях с дьяволом, было предостаточно. Например, достаточно было того, чтобы женщина имела на теле родинки или родимые пятна, или если она нелюдимая, неразговорчивая, живёт одна, или наоборот, неразборчива в связях с мужчинами, живёт с ними вне брака и много чего ещё. Если женщина нарушила любое пра-

вило из Библии – значит, она заключила договор с дьяволом. В общем, в те страшные времена достаточно было просто родиться женщиной, чтобы в один прекрасный день тебя объявили ведьмой, поскольку считалось, что женщина – существо гораздо более греховное, чем мужчина.

Вот так же не повезло и Адели. Однажды, в обычный солнечный воскресный день, не предвещавший никакой беды, шла она с подругами по рынку, весело хохоча и болтая с девочками обо всём на свете, как вдруг какой-то мужчина в толпе, увидев её, с ужасом закричал на весь рынок, показывая на Адель пальцем:

– Смотрите, – это ведьма, ведьма! Хватайте её, люди, не дайте ей уйти!

Не успела Адель опомниться и сообразить что к чему, как несколько мужчин в мгновение ока схватили её и повалили на землю. Кто-то крикнул:

– Дайте веревку, вяжите эту тварь! Попалась, проклятая гадина!

Тут же откуда-то появилась верёвка. И Адель через минуту была крепко связана так, что не могла даже пошевелить руками, привязанными к её туловищу. Люди вокруг, мгновением раньше весёлые и доброжелательные, превратились в злобных существ, которые с ненавистью выкрикивали проклятья в адрес Адели, перемежаящиеся нецензурной бранью и плевками в её сторону. Подруги девушки, сразу почуяв смертельную угрозу, мгновенно испарились в толпе, бросив её одну на произвол судьбы перед разъяренными людьми, которые продолжали выкрикивать проклятия и ругательства. Кто-то крикнул из толпы:

– Ведите эту тварь в тюрьму!

И толпа одобрительно зашумела. Девушку схватили со всех сторон и повели по узким извилистым улицам к тюрьме, печально известной каждому жителю города, и не только потому, что все жители хотя бы раз ходили на площадь смотреть, как казнят еретиков и ведьм, но и потому, что у многих горожан были сожжены и повешены кто-то из родственников – дочери, сёстры, жёны и матери, так же как и Адель, схваченные на улице, а потом приговоренные к смерти за преступления, которые они не совершали...

Адель, плача, просила людей отпустить её, говорила, что она не ведьма, что ни в чём не виновата, но это было бесполезно, наоборот, только раззадоривало толпу, и злоба этой толпы становилась от этого всё больше и больше. До площади, на которой находилась тюрьма, было не более получаса ходьбы, но Адели этот путь показался бесконечным, как будто она уже полдня в дороге, так тяжелы были для неё эти два с небольшим километра до места, куда вела ее злая и разгорячённая толпа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.